СВЯЗЬ
ВНЕ ЗОНЫ
И.С, Эхо

И. Эхо
Связь вне зоны

https://litres.ru/74688869
SelfPub; 2026

Аннотация

Они учатся в одной школе, но в разных классах. У каждого — свои проблемы: непонимание родителей, травля, одиночество и страх, о котором не расскажешь никому. Однажды в их руки попадают старые вещи, которые помнят то, что люди предпочли бы забыть. И с этого момента привычный мир начинает трескаться по швам.

Мистическая драма о подростках, их ошибках и о том, что прошлое никогда не молчит слишком долго.

Для тех, кто помнит, что тишина иногда громче слов.

И. Эхо
Связь вне зоны

Эхо И.С.

СВЯЗЬ ВНЕ ЗОНЫ

Мистическая драма о молчании, которое громче слов.

© Эхо И.С., 2026

16+

Они учатся в одной школе, но в разных классах. У каждого — свои проблемы: непонимание родителей, травля, одиночество и страх, о котором не расскажешь никому. Однажды в их руки попадают старые вещи, которые помнят то, что люди предпочли бы забыть. И с этого момента привычный мир начинает трескаться по швам.

Мистическая драма о подростках, их ошибках и о том, что прошлое никогда не молчит слишком долго.

Для тех, кто помнит, что тишина иногда громче слов

Глава 1. Аня

Квартира Мельниковых находилась на четвёртом этаже панельной девятиэтажки, в самом конце длинного коридора, где лампочка мигала уже третий месяц. Родители говорили, что «надо написать в управляющую компанию», но никто не писал. Аня привыкла: подходишь к двери — и сначала темнота, потом щелчок, потом тусклый жёлтый свет, который никогда не доходил до угла с велосипедом.

Внутри пахло свежесваренным кофе и маминым парфюмом — тяжёлым, сладковатым, с ноткой чего-то аптечного. Этот запах Аня помнила с детства. Он означал, что мама дома, что мама в форме, что мама всё контролирует.

— Аня, ты вовремя, — сказала мама из кухни, даже не обернувшись. Она стояла у плиты в фартуке поверх деловой блузки, помешивала что-то в кастрюле и одновременно смотрела в телефон, прикреплённый к холодильнику на магнитике. — Мой руки и садись. Папа через десять минут придёт.

Аня сняла кроссовки — серые, с протёртой подошвой, купленные в прошлом году на распродаже, — и поставила их ровно на полку. Она прошла в свою комнату. Кровать у стены, письменный стол у окна, шкаф с зеркалом, на стенах — рисунки. Много рисунков. Лисы, птицы, какие-то фантастические города. Аня рисовала всё, что приходило в голову,

и вешала на стену, потому что обои были старые, в мелкий цветочек, и родители не разрешали их менять.

Она села на кровать, вытащила из рюкзака тетрадь по геометрии и открыла последнюю страницу. Лиса была почти готова — рыжая, с пушистым хвостом, с хитрыми глазами. Аня рисовала её три дня, урывками, между уроками и домашкой.

— Аня! — позвала мама. — Ты слышала?

— Слышала, — сказала Аня, хотя не слышала.

Она убрала тетрадь, вышла на кухню. Папа уже пришёл — большой, в рубашке, с папкой под мышкой. Он сидел за столом и смотрел в телефон. Мама ставила тарелки.

— Как дела в школе? — спросил папа, не поднимая глаз.

— Нормально.

— Контрольная по химии была?

— В среду.

— Готовилась?

— Да.

Папа кивнул и вернулся в телефон. Мама поставила перед Аней тарелку с супом и села напротив.

— Мы с папой посоветовались, — сказала она. — И решили, что пока ты не подтянешь учёбу, телефон тебе не нужен.

Аня замерла с ложкой в руке.

— В смысле?

— В прямом. Ты в десятом классе. Через год — ЕГЭ. А ты рисуешь в тетрадях и витаешь в облаках. Мы не против твоего хобби, но всему есть время и место.

— Я не витаю.

— Аня, — сказал папа, отрываясь от телефона. — Не спорь с мамой.

Мама положила на стол кнопочный телефон. Чёрный, потёртый, с антенной-пеньком.

— Это тебе. Звонит — и хватит. Нам с папой нужно знать, где ты.

Аня взяла телефон. Он был тяжёлый, как кусок мыла. Экран маленький, чёрно-белый, с зелёной подсветкой.

— Серьёзно? — сказала Аня. — Он же древний.

— Он рабочий, — отрезала мама. — И, в отличие от айфона, он не отвлекает.

После ужина она ушла в комнату, закрыла дверь и села на подоконник. За окном был двор — детская площадка с качелями, фонарь, лавочка. Аня достала новый телефон и нажала кнопку. Экран загорелся зелёным. В контактах было пусто. В сообщениях — пусто. В черновиках — пусто. Аня вздохнула и закинула телефон на кровать.

Утром в школе было серо и людно. Аня пришла за десять минут до звонка, разделась, переобулась и пошла к шкафчику. Пахло мокрой обувью, дешёвым кофе из автомата и хлоркой.

На литературе обсуждали «Героя нашего времени». Аня смотрела в окно и думала о том, что вечером опять придётся отчитываться: где была, с кем, почему не позвонила сразу

после школы.

После урока к ней подошла Даша — невысокая, с короткой стрижкой и вечным рюкзаком на одном плече.

— Ты чего такая? Тебя как будто подменили, — сказала Даша.

— Телефон забрали, — сказала Аня. — Вместо него дали вот это.

Она показала кнопочный телефон. Даша прыснула.

— Это чё, из музея? У меня у бабушки такой был. Ты теперь как в нулевых.

— Ага. Кринж полный.

Они вышли из кабинета. В коридоре у окна стояла Вика из «А» — высокая, с длинными светлыми волосами, с дорогим рюкзаком.

— Ты видела её свитер? — громко сказала Вика, кивая в сторону Леры, которая стояла в двух шагах и делала вид, что ищет что-то в рюкзаке. — Это кринж. Как из 2010-го вылезла. И ещё эта её сумка. Она вообще понимает, что над

ней весь класс ржёт?

Лера не поднимала головы. Уши у неё горели. Аня видела это. И Вика видела. И весь коридор видел.

Аня хотела сказать: «Вика, закрой рот». Хотела. Но не сказала.

На физкультуре их класс объединили с «Б» на эстафету. Аня стояла в конце строя и смотрела, как ребята из параллельного разминаются. Один из них — высокий, в серой худи, с часами на руке — вдруг поднял голову и посмотрел прямо на неё. У него были тёмные волосы, коротко стриженные, и глаза, которые Аня не сразу смогла описать. Не злые, не добрые. Просто внимательные.

Аня не отвела взгляд сразу. Они смотрели друг на друга, наверное, целую секунду. Потом он моргнул и отвернулся, как будто ему стало неловко.

— Это кто? — спросила она у Даши.

— Егор Соколов. Из «Б». Нормальный вроде. Не токсик. Но и не высовывается.

Вечером она сидела дома, рисовала лису и думала о том,

что завтра опять школа, опять контрольная по химии, опять родительский чат. И ещё она думала о Егоре Соколове, хотя совсем не хотела.

Глава 2. Егор

Квартира Соколовых была на втором этаже, в старом доме без лифта, с высокими потолками и скрипучими полами. На лестнице всегда пахло кошками и жареной картошкой.

Егор проснулся за десять минут до будильника. Он лежал в постели, смотрел в потолок и слушал. На кухне было тихо.

Он встал, натянул серые штаны и худи, зашёл на кухню. Мать спала за столом — голова на руках, перед ней остывшая чашка чая, на полу бутылка. Не одна. Егор собрал их в пакет, вынес в мусоропровод, открыл окно.

В дверь позвонила соседка тётя Люда — маленькая, в халате, с вечным пакетом в руках.

— Егор, мама дома?

— Спит, — сказал он и улыбнулся. — Приболела.

— Ага. Приболела, — протянула тётя Люда так, что Егор

захотел закрыть дверь.

Но не закрыл. Стоял и улыбался, пока она не ушла.

Он вернулся в комнату, взял рюкзак, надел часы отца. Простые, механические, с потёртым ремешком. Отец умер, когда Егор был маленьким. Так говорила мать. Иногда говорила другое — что ушёл. Егор давно перестал понимать, где правда.

В школе было проще. В школе он был Егор Соколов — нормальный чел, не отличник, не хулиган, без кринжа.

В раздевалке Никита толкнул его плечом:

— Ты чё смурной? Опять мать?

— Нормально. Выспался плохо.

— Жиза. Меня батя вчера душнил из-за контроши. Говорит, если не сдам, наймёт репетитора. В десятом классе. Кринж.

— Жесть, — согласился Егор.

На втором этаже у кабинета литературы стояла Вика из

«А» и громко обсуждала Леру.

— Ты видела её свитер? Это кринж. Как из 2010-го вылезла.

Лера стояла в двух шагах и делала вид, что ищет что-то в рюкзаке. Уши горели.

Егор прошёл мимо. Мог сказать: «Вика, закрой рот». Мог просто встать рядом с Лерой. Но прошёл, потому что если влезть — начнут спрашивать. А если начнут спрашивать — докопаются до него. До матери. До бутылок.

На физкультуре их класс объединили с «А» на эстафету. Егор стоял в строю, смотрел в пол, слушал, как Никита ржёт над чьей-то кроссовкой. Потом поднял голову.

В конце строя параллельного класса стояла девушка. Невысокая, с растрёпанным хвостом, в тёмно-зелёной футболке. Она смотрела прямо на него.

Егор не отвёл взгляд сразу. Потом моргнул и отвернулся.

— Это кто? — спросил он у Никиты.

— Аня Мельникова. Из «А». Тихая такая. Рисует всё вре-

мя. Говорят, родители её контролят жёстко.

Вечером он делал уроки, слушал, как мать на кухне разговаривает с кем-то по телефону — громко, с надрывом. Потом послышался звон стекла.

Егор надел наушники и включил музыку погромче. Часы на руке тикали. Обычные часы. Простые. Отцовские.

Глава 3. Столовая

Столовая в их школе была местом особенным. Там решалось всё. Кто с кем сидит, кто кому кивнул, кто кого не заметил.

Аня пришла на большой перемене одной из первых. Она взяла суп, котлету и компот, поставила на поднос и огляделась. Свободных столов было мало. Она заметила свободное место в углу, у стены. Там уже кто-то сидел — парень в серой худи, с подносом, на котором была только чашка чая. Егор Соколов.

Аня на секунду замешкалась. Но ноги уже несли её к столу, потому что других мест не было, а стоять с подносом посреди столовой — это кринж.

Она поставила поднос напротив него.

— Можно?

Егор поднял голову. У него были тёмные глаза, внимательные, как тогда в спортзале.

— Ага. Садись.

Аня села. Молчание было неловким. Не тяжёлым, а именно неловким.

— Ты из «А», да? — спросил Егор, не поднимая глаз от телефона.

— Ага. А ты из «Б».

— Ага.

Снова молчание. Аня откусила котлету. Котлета была сухой, как подошва.

— У нас физра спаренная была, — сказала она. — Ну, в понедельник. Ты на эстафете бежал.

— Ага. Плохо бежал.

— Нормально. Ты третий пришёл.

Егор наконец поднял на неё глаза. В них что-то мелькнуло — удивление? — и тут же исчезло.

— Ты считала?

— Ну а чё, делать нечего было. Я в конце строя стояла, мне всё видно.

Он хмыкнул.

— А ты чё не бежала?

— Бежала. Второй забег. Пришла последняя.

— Поздравляю.

— Ага. Спасибо.

Они снова замолчали. Но теперь молчание было другим — не таким колючим.

— Ты всё время рисуешь, — сказал вдруг Егор.

Аня чуть не поперхнулась.

— Ты заметил?

— Ну. У тебя тетрадь в руках была. На физре. И на литературе, я мимо проходил, видел — ты что-то черкала.

— Это лиса, — сказала Аня и тут же пожалела. Звучало по-детски.

— Лиса?

— Ну да. Я рисую лис. И птиц. И всякое.

Егор кивнул. Серьёзно так, как будто она сказала что-то важное.

— Круто, — сказал он.

— Что?

— Ну, что рисуешь. У меня так не получится. Я в палочках и кружочках путаюсь.

Аня улыбнулась. Впервые за долгое время — по-настоящему.

— Это не сложно. Просто надо смотреть.

— На что?

— На всё. На то, как свет падает. У тебя вон часы на руке — у них ремешок потёртый, а стекло в царапинах. Значит, ты их давно носишь. И не снимаешь. Я бы такое нарисовала.

Егор посмотрел на часы. Потом на неё. И Ане показалось, что он хочет что-то сказать, но не решается.

— Это отца, — сказал он наконец. — Он умер. Давно. Остались часы.

— О, — сказала Аня. — Прости.

— Да не, нормально. Я их не помню даже. Так, просто ношу.

Он сказал это спокойно, без надрыва. Просто факт. Аня кивнула и не стала спрашивать дальше.

Звонок прозвенел неожиданно. Егор допил чай и встал.

— Ладно. Погнали.

— Ага.

Они вышли из столовой. У лестницы их пути расходились.

— Спасибо, что подсела, — сказал вдруг Егор. — А то я как дурак сидел один.

Аня пожала плечами.

— Не за что. Там просто мест не было.

— Ага. Ну, пока.

Она пошла вниз по лестнице и поймала себя на том, что улыбается.

Глава 4. Лера

Лера Смирнова училась в «А» с первого класса. Она была тихой, незаметной, с длинными русыми волосами и вечным рюкзаком, который висел у неё на одном плече.

Вика не любила таких. Травля началась с мелочей. Сначала Вика комментировала её одежду — «кринж», «как из

прошлого века». Потом перешла на внешность. Потом — на вещи.

В среду на большой перемене Вика превзошла себя. Они стояли у шкафчиков в коридоре второго этажа. Лера открывала свой — маленький, металлический, с наклейкой в виде кота.

— О, Лерка. Ты чё, опять в этом свитере? Он же тебе велик.

Лера промолчала.

— Ты чё молчишь? Тебе говорят.

— Отстань, — сказала Лера тихо.

— Что? — Вика приложила ладонь к уху. — Я не расслышала. Повтори.

— Отстань.

Вика засмеялась. К ней присоединились две её подруги.

— Слышали? Она сказала «отстань». Лерка, ты чё, бунтуешь? Это кринж.

Лера закрыла шкафчик и попыталась пройти мимо. Вика шагнула в сторону, перегородив путь.

В коридоре уже собрались люди. Аня шла с литературы, с тетрадью в руках, и увидела всё это издалека. Она остановилась.

Могла пройти мимо. Могла отвернуться. Но что-то внутри неё не дало ей пройти.

Она подошла.

— Вика, отстань от неё.

Вика обернулась.

— Чё? Ты кто такая?

— Я Аня. Из твоего класса. Оставь Леру в покое. Она тебе ничего не сделала.

— А ты у нас теперь защитница? — Вика сделала шаг к ней. — Смотрите, Мельникова заступилась. А ты знаешь, что будет, если ты продолжишь?

— Что? — Аня смотрела прямо на неё, хотя колени у неё дрожали. — Расскажешь всем, что я странная? Что я рисую в тетрадях? Что у меня телефон из музея? Ну давай. Мне пофиг.

Это было неправдой. Ей было не пофиг. Совсем. Но она сказала это так, как будто ей было всё равно. И Вика на секунду опешила.

— Ладно, — сказала она. — Валите обе. Мне с вами скучно.

Она развернулась и ушла. Лера стояла у шкафчика и смотрела на Аню. Глаза у неё были влажные.

— Спасибо, — сказала она тихо.

После уроков Аня сидела на лавочке во дворе школы. Она достала тетрадь и начала рисовать. Лису.

— Можно?

Она подняла голову. Егор стоял рядом, с рюкзаком на плече.

— Ага. Садись.

Он сел на другой конец лавочки.

— Я видел, что ты сделала, — сказал он. — С Викой.

— Ну да. Не я одна, вообще-то.

— Нет. Только ты.

Аня пожала плечами и продолжила рисовать.

— Я тоже стоял, — сказал Егор тихо. — Я всегда стою. Смотрю и стою.

— Почему?

— Не знаю. Боюсь, наверное. Что если влезу — начнут спрашивать. А если начнут спрашивать — докопаются.

— До чего?

Егор молчал.

— Да так, — сказал он. — Есть до чего.

Аня не стала давить. Они сидели рядом. Аня рисовала.

Егор молчал. И это было нормально.

— А ты вообще с кем-нибудь дружишь? — спросил он вдруг.

— С Дашей. Из моего класса.

— Ага. А я с Никитой. Но он не в курсе, что у меня дома.

— В смысле?

— В прямом. Он думает, что у меня всё нормально. Что мать просто строгая.

Аня посмотрела на него внимательнее.

— А что у тебя дома?

Егор помолчал. Потом сказал:

— Мать пьёт.

Он сказал это просто, без надрыва. Но Аня услышала, как изменился его голос.

— Я никому не говорила, — сказала Аня. — Ну, что ты

сказал. Я никому не скажу.

— Знаю, — сказал Егор. — Поэтому и сказал.

— У тебя лиса красивая, — сказал он, кивая на тетрадь.

— Спасибо. Она у меня уже месяц. Никак не закончу.

— Почему?

— Не знаю. Может, боюсь, что когда закончу — будет не так, как я хочу.

Егор кивнул.

— Понимаю.

Он встал.

— Ладно. Мне пора. Мать одна.

— Ага. Пока.

Он пошёл через двор. Аня смотрела ему вслед, пока он не скрылся за углом.

Глава 5. Дома

Ключ повернулся в замке с третьего раза. Егор открыл дверь и прислушался. На кухне работал телевизор.

Мать сидела за столом. Перед ней стояла бутылка — почти пустая. Рядом — стакан. Она смотрела в телевизор, но глаза у неё были отсутствующие.

— Привет, — сказал Егор.

Она обернулась. Медленно.

— О. Пришёл.

— Ага.

Он прошёл на кухню, открыл холодильник. Внутри было пусто — молоко, полбатона хлеба, банка солёных огурцов. Он достал хлеб, отрезал кусок, намазал маслом.

— Ты чего не готовила? — спросил он, хотя знал ответ.

— Не хотелось, — сказала мать. — Устала.

Егор сел напротив. Жевал хлеб и смотрел в стол.

— Ты вообще собираешься что-то делать? — спросил он тихо.

— В смысле?

— В прямом. Ты опять пила.

— Я не пила. Я так.

— Я вижу бутылку.

Мать посмотрела на бутылку, как будто впервые её заметила.

— Ну и что? Я взрослая. Имею право.

— Имеешь, — сказал Егор. — Только ты не взрослая. Ты как будто... не знаю. Как будто тебе всё равно.

— Не говори так со мной.

— А как говорить? — Егор повысил голос. — Я прихожу домой, а ты тут сидишь. Каждый день. Я убираю за тобой бутылки. Я вру соседям, что ты болеешь. Я вру в школе, что у меня всё нормально. Сколько это может продолжаться?

Мать встала. Она пошатнулась, схватилась за стол.

— Не смей. Не смей со мной так. Я тебя растила. Одна. Без отца. Ты вообще понимаешь, как мне тяжело?

— А мне? — Егор тоже встал. — Мне не тяжело? Мне, по-твоему, нормально?

Он не хотел кричать. Знал, что это бесполезно. Но что-то внутри него уже не могло остановиться.

— Ты... — мать махнула рукой. — Ты такой же, как он. Такой же. Ушёл бы уже, как он.

Егор замолчал.

Он уже слышал это раньше. Слышал, как она говорила про отца: то «умер», то «ушёл», то «бросил нас». Егор давно перестал спрашивать. Не потому, что не хотел знать. А потому, что не был уверен, что она сама знает.

— Я пойду к себе, — сказал он.

В своей комнате он закрыл дверь и сел на кровать. Снял часы. Посмотрел на них. Открыл ящик стола, положил часы

туда и закрыл. Потом снова открыл. Достал. Надел на руку. Потом снял. Положил в ящик. Закрыл.

За окном стемнело. Егор лёг на кровать, не раздеваясь, и уставился в потолок.

У Ани дома было тихо. Слишком тихо. Она поняла это сразу, как только открыла дверь: ни телевизора, ни радио, ни запаха ужина. Только тяжёлая тишина.

Мама стояла в коридоре. В руках у неё была тетрадь. Та самая — по геометрии, с лисой на последней странице.

— Что это? — спросила мама.

Аня замерла.

— Это... тетрадь.

— Я вижу, что тетрадь. Что это внутри?

— Лиса.

— Лиса, — повторила мама. — Ты понимаешь, что у тебя через год экзамены? А ты рисуешь лис.

Она прошла в комнату Ани. На столе лежали ещё рисунки. Мама взяла один, посмотрела.

— Аня, я тебе сколько раз говорила: школа — для учёбы. Хочешь рисовать — рисуй дома. Но не в ущерб урокам.

— Я не в ущерб. У меня нормальные оценки.

— Нормальные — это не отличные. Ты можешь лучше. Ты просто не стараешься.

Мама взяла рисунки — все, которые были на столе и на стенах.

— Что ты делаешь? — спросила Аня.

— Убираю. Пока не начнёшь нормально учиться.

— Мам, не надо. Пожалуйста.

— Аня.

— Это мои рисунки. Я их рисовала месяц. Полтора. Некоторые — с прошлого года.

— Вот когда будешь зарабатывать, тогда и будешь рисо-

вать. А пока — учись.

Мама вышла из комнаты. Аня стояла посреди комнаты и смотрела на пустые стены. На месте, где висела лиса, остался светлый прямоугольник.

Она села на кровать. Внутри было пусто.

Утром Аня пришла в школу раньше всех. В коридоре было пусто. Она дошла до своего шкафчика, открыла его. Достала тетрадь по геометрии. Последняя страница была пуста — мама вырвала лист с лисой.

Аня стояла и смотрела на пустую страницу.

— Ты чего тут так рано?

Она обернулась. Егор стоял в двух шагах, с рюкзаком на одном плече. Вид у него был помятый — как будто он не спал.

— А ты? — спросила Аня.

— Не спалось.

— Ага. Мне тоже.

Они стояли и смотрели друг на друга.

— У тебя что-то случилось? — спросил Егор.

— Мама выкинула мои рисунки. Все. Сказала, что пока не начну нормально учиться — никакого рисования.

Егор помолчал.

— Жесть, — сказал он. — А у меня мать вчера опять напилась. Я с ней поругался.

— И что ты сделал?

— Пошёл к себе. Снял часы. Положил в ящик. Потом достал. Потом опять положил.

Аня посмотрела на его руку. Часы были на месте.

— Надел, — сказал Егор, перехватив её взгляд. — Не могу без них. Как будто часть меня.

— У меня так с телефоном, — сказала Аня. — Хотя он дурацкий. Кнопочный. Древний. Но я его прячу. Под подушку.

— Почему?

— Не знаю. Кажется, что если кто-то найдёт — будет хуже.

Егор кивнул. Звонок прозвенел неожиданно.

— Ладно, — сказал Егор. — Погнали. Увидимся.

— Ага.

Но почему-то после этого разговора Ане стало чуть легче. Как будто кто-то разделил с ней тяжесть.

Глава 6. Соревнования

Межклассные соревнования по бегу проводились каждый год в конце сентября. Стадион был старый — асфальтовые дорожки с трещинами, трибуны из деревянных скамеек. Пахло резиной и скошенной травой.

Аня стояла в строю своего класса и ждала. Ей не хотелось бежать. Но пропустить было нельзя: учитель физкультуры уже дважды предупредил, что «прогулы не принимаются».

Её забег был третьим. Второй — у параллельного класса.

Аня смотрела, как ребята из «Б» выходят на старт. Егор стоял в конце шеренги. В своей серой худи, которую он, видимо, не снимал вообще никогда.

— На старт! — крикнул Виктор Сергеевич.

Ребята из «Б» выстроились на дорожке. Егор оказался на второй дорожке — почти рядом с тем местом, где стояла Аня.

— Марш!

Они побежали. Егор рванул вперёд — не самым первым, но и не последним. На повороте он споткнулся, но удержался. Добежал четвёртым.

Потом был её забег. Аня вышла на дорожку и почувствовала, как колени стали ватными.

— Марш!

Она побежала. Не быстро. Просто побежала, как могла. Ветер бил в лицо, ноги гудели, лёгкие горели. На финише она была предпоследней. Но не последней.

Она остановилась, согнулась, упёрлась руками в колени.

И увидела Егора. Он стоял у края трибуны, с бутылкой воды в руке, и смотрел на неё.

Потом была смешанная эстафета. Аня бежала третий этап. На повороте она поскользнулась. Каблук кроссовки попал в трещину. Аня охнула и полетела вперёд.

Но не упала. Кто-то схватил её за руку.

Она выпрямилась, тяжело дыша. Рядом стоял Егор. Он держал её за локоть.

— Ты чё? — сказал он. — Осторожнее.

— Я... — Аня смотрела на его руку. На свою руку. — Спасибо.

— Да не за что.

Он отпустил её локоть. Но Аня ещё секунду чувствовала тепло его пальцев.

После соревнований Аня сидела на лавочке у ворот. Достала тетрадь. Открыла последнюю страницу. Пусто.

— Опять рисуешь?

Егор стоял рядом.

— Пытаюсь, — сказала Аня. — Но мама выкинула все мои рисунки. Так что... не знаю. Не могу начать.

— Почему?

— Боюсь, что опять выкинут.

Егор сел рядом. Ближе, чем в первый раз.

— Я вчера с матерью поругался, — сказал он. — Опять. Она сказала, что я такой же, как отец. Что я уйду, как он.

— А ты уйдёшь?

— Не знаю. Может быть. Когда-нибудь. Но не так, как он. Не просто свалив.

Они помолчали. Аня смотрела на пустую страницу.

— Слушай, — сказал он вдруг. — Ты это... Если хочешь, я могу... Не знаю. Поговорить с твоей мамой? Ну, что рисование — это не так плохо.

Аня удивлённо посмотрела на него.

— Ты серьёзно?

— Ну да. Я же вижу, как ты рисуешь. Это... круто. Правда.

Аня не знала, что сказать. Внутри что-то ёкнуло.

— Спасибо, — сказала она. — Но не надо. Она не поймёт.

Она взяла ручку и нарисовала на пустой странице маленькую лису. Простую, из нескольких линий. Но она была.

Егор смотрел на её руку.

— Круто, — сказал он.

Аня подняла голову. Он смотрел на неё — внимательно, без улыбки.

— Ладно, — сказал он, вставая. — Мне пора.

— Ага.

Он пошёл к воротам. Аня смотрела ему вслед. Он обернулся.

— Слушай... — сказал он. — Если что, я на связи. Ну, в смысле, в школе. Ты это... не пропадай.

— Ага, — сказала Аня. — Не пропаду.

Вечером дома она достала телефон из-под подушки. Нажала кнопку. Время — 19:47. Часы отставали на семь минут.

Она не заметила, как в папке «Черновики» появилось новое сообщение. Одно слово.

«Он».

Аня нажала кнопку. Сообщение открылось. «Он».

Она не писала этого. Она вообще не заходила в черновики.

Аня уставилась на экран. Сердце стукнуло — громко, в ушах. Экран погас.

Глава 7. Кто кому нравится

Слово «Он» в черновиках Аня больше не трогала. Два дня она просто не открывала телефон — носила его в кармане,

как камень. На третий день не выдержала: залезла в «Черновики» на перемене.

Папка была пуста.

Она даже перезагрузила телефон. Черновики пусты. Сообщений нет. Входящих нет.

— Ты чё, медитируешь над этой древностью? — Даша подошла с бутылкой газировки.

— Да нет. Глючит.

— Ну так выкинь.

— Не могу. Мама дала. Если выкину — будет скандал.

— Жиза, — сказала Даша. — Слушай, а ты с Соколовым из «Б» общаешься?

Аня почувствовала, как у неё теплеют уши.

— С Егором? Ну... иногда. В столовой сидели. На соревнованиях.

— Ага. И на лавочке после соревнований. Я видела. И с

Никитой, кстати. Мы с ним в одном дворе живём, с детства знакомы.

Аня кивнула.

Химия была сдвоенной. Аня сидела с Дашей за третьей партой. Чертила в тетради лису — маленькую, в углу. Получалось плохо. Рука не слушалась.

— Ты чего? — шепнула Даша.

— Ничего.

Аня отложила ручку и посмотрела в окно. Там, во дворе, старшеклассники играли в футбол. Мяч выкатился за ворота, и кто-то побежал за ним — высокий, в серой худи. Егор.

После химии Аня вышла в коридор. Там уже стоял Никита — у окна, с телефоном в руке.

— Мельникова, — сказал он, поднимая голову. — Здорово.

— Ага. Здорово.

— Слушай, а ты с Егором общаешься, да?

Аня замерла.

— Ну... иногда.

— Ага. Он про тебя говорил.

Аня почувствовала, как сердце ухнуло куда-то вниз.

— Говорил? Что говорил?

— Да так. Что ты нормальная. Что рисуешь круто. — Никита ухмыльнулся. — Он вообще про людей редко так говорит.

Аня не знала, что сказать.

— А почему ты спрашиваешь?

— Да просто, — сказал Никита. — Он в последнее время какой-то странный. Я думал, может, ты знаешь, что с ним.

— Не знаю, — сказала Аня. — Мы не так часто общаемся.

Егор в это время стоял на третьем этаже у кабинета истории. Рядом — Никита.

— А ты чё вообще к ней пристал? — спросил Егор.

— Да так, — сказал Никита. — Просто заметил, что ты на неё смотришь. В столовой. На физре.

— Я не смотрю.

— Ага. Конечно. Как я на Леру из «А» не смотрю.

Егор посмотрел на него.

— Ты на Леру смотришь?

— Ну... — Никита вдруг стушевался. — Не то чтобы смотрю. Просто она нормальная. Тихая такая. Я её в столовой видел, она одна сидела. И я подумал: вот бы с ней поговорить. Но Вика над ней ржёт, а я... не знаю.

Егор молчал. Он знал это чувство — когда хочешь подойти, но не можешь.

Вечером Аня сидела дома и пыталась делать домашку. Не получалось. Она взяла телефон. Нажала кнопку.

Черновики — пусто.

Аня уже хотела отложить телефон, но тут он тихо пискнул. Экран мигнул.

В папке «Черновики» снова было сообщение.

«Ты ему нравишься».

Аня смотрела на экран. Сердце колотилось где-то в горле.

Она нажала «Ответить». Написала: «Кто ты?» Нажала «Отправить».

Телефон пискнул: «Ошибка отправки».

Аня стёрла. Написала: «Это не смешно».

«Ошибка отправки».

Она положила телефон на стол. Встала. Прошлась по комнате. Села. Взяла телефон. Экран был тёмный.

Аня сидела и смотрела на пустой экран. «Ты ему нравишься». Она не знала, что это значит. Не знала, кто это пишет. Но почему-то от этих слов ей стало страшно и хорошо одновременно.

Глава 8. Лавочка

После уроков Аня вышла из школы и не пошла домой. Она прошла через двор к той самой лавочке у забора.

Сентябрь уже перевалил на вторую половину. Пахло сыростью и мокрым асфальтом.

Аня села, достала тетрадь и положила на колени. Она успела нарисовать только уши и морду, когда услышала шаги по гравию.

Егор стоял в двух шагах, с рюкзаком на одном плече.

— Ты опять тут, — сказал он.

— А ты? — Аня даже не подняла головы.

— Домой не хочется.

— Мне тоже.

Он сел рядом, скинул рюкзак на асфальт и вытянул ноги. Аня подвинулась, освобождая ему место.

— Я вчера с Никитой разговаривал, — сказал Егор. — Он спросил, почему мы с тобой на лавочке сидим.

— И что ты сказал?

— Что мы просто разговариваем. — Егор пожал плечами. — А он поржал и сказал, что ты нормальная.

— Спасибо. Прям бальзам на душу.

— Я не то имел в виду. Просто Никита редко про кого-то так говорит.

Аня хмыкнула. Она снова уткнулась в тетрадь. Линия получалась кривой.

— Ты чего? — спросил Егор.

— Да так. — Аня вздохнула. — После того, как мама выкинула рисунки, я не могу рисовать. Как будто что-то сломалось. Раньше я просто рисовала. А теперь сижу и думаю: а вдруг опять выкинут? И рука не слушается.

— Жесть, — сказал Егор. — Как будто тебя стирают. По кусочкам.

Аня посмотрела на него. Она не ожидала, что он так точно сформулирует.

— Ага. Именно так.

— А ты чего боишься? Ну, кроме того, что дома плохо.

Егор снял часы. Повертел в руках. Надел обратно.

— Что я стану как она. Что буду пить. Или что уйду, как отец. Просто сбегу. Не выдержу.

Аня удивлённо посмотрела на него.

— Ты же говорил, что он умер.

Егор поморщился.

— Говорил. Мать иногда говорит, что он умер. А иногда — что ушёл. Когда пьяная. Я уже не понимаю, где правда. Может, он уехал, а она всем сказала, что умер. Может, наоборот. — Он пожал плечами. — Я спрашивал один раз. Она начала кричать, а потом плакать. Больше не спрашиваю.

Аня молчала.

— Я не хочу так, — сказал Егор тише. — Не хочу просто взять и исчезнуть из её жизни. Но иногда думаю: а вдруг я не выдержу? Вдруг сбегу?

— Я так не думаю, — сказала Аня.

— Знаю. Поэтому и говорю.

— Слушай, — сказала Аня. — А ты когда-нибудь думал, что родители тоже боятся?

— В смысле?

— Ну, твоя мать. Она же не просто так пьёт. Она боится, что ты уйдёшь. Как отец. Поэтому и пьёт.

— А моя? — спросила Аня.

— Твоя боится, что ты вырастешь и уйдёшь. Что станешь не такой, как она хочет. Поэтому контролит. Думает, что если всё контролировать — всё будет хорошо.

— Я не хочу её понимать, — сказала Аня тихо. — Я хочу, чтобы она просто отстала.

— Ага. Я тоже не хочу понимать свою. Но понимаю. Ино-

гда. И это бесит.

Аня посмотрела на телефон. Достала из кармана. Нажала кнопку. Время — 16:47. Черновики — пусто.

Егор проследил за её взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.